

В лютий декабрь 1973 года по художественным столичным кругам прошел слух, что известный библиотечный вор и поэт, знаменитый сутенер и великий знаток живописи и кино Чудаков замерз в московском подъезде. На эту весть оперативно откликнулся из США его полный антипод (не только в географическом, но и в метафизическом понимании этого слова) Иосиф Бродский: «Тщетно драмму во рту твою ищет угрюмый Харон, /тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно. /Посылаю тебе безымянный прощальный поклон /с берегов неизвестно каких. /Да тебе и не важно».

Но Чудаков, в своем путешествии по дну советской помойки десятки раз подвергавшийся смертельной опасности, и тут изловчился и обманул судьбу. Он воскрес в своем «бесцветном пальто», продавал девиц знаменитостям и сотрудникам посольства Республики Чад, обманывал, сутенерствовал, «лиц кавказской национальности», свивших гнездо в гостинице «Россия» (раз они поймали его и порвали ему рот; «Рот мне зашили в больнице бесплатно, — хвастался он потом мне по телефону, — а сто зеленых — в носке»). А затем в свой черед любезно пропустил вперед и знаменитого автора эпитафии, во рту которого, конечно, Харон нашел причитающуюся ему драмму...

Чудаков развенчивает миф о поколении шестидесятников...

А. И. Солженицын как-то сказал, что весь пафос поколения, пришедшего в пору хрущевской оттепели, свелся к протесту против сталинских репрессий. Тем самым он выразил расхожее мнение: шестидесятники были «истинными ленинцами» и боролись за социализм с человеческим лицом, или, если использовать имя знаменитого чехословацкого правозащитника, за «социализм с лицом Пеликана». Так авторитетом вермонтской пифии подтверждалась давняя легенда.

Правду сказать, на виду оказывались диссиденты — главным образом дети репрессированных партаппаратчиков, которых пожрала ими же созданная гильотина, с чисто совковой ненавистью отвергавшие большевистскую власть. Но были и инакомыслящие, которые эту власть просто не замечали. В хрущевско-брежневской пуше бродили одинокие, помеченные Лубянской бизоны, изредка тоскливо трубившие на просеках.

Среди них едва ли не самым одиноком был Сергей Чудаков.

Он рано понял, что его дар, его жадно поглощающий знания о мире мозг не нужны обществу, которое отторгло его. На третьем курсе факультета журналистики МГУ, будущи проформом, он ухитрился провести студенческое собрание, потребовавшее отстранить от чтения лекций наиболее бездарных преподавателей, и с волчьим билетом был изгнан из альма-матер.

Талант его изредка проблескивал, прорываясь, например, в «МК», но чаще подавлялся на уровне рукописи. Нам с ним удалось сляпать обзор поэзии сказочно далекого 1959 года в «Воплях», за что мы тотчас же были облаяны самой «Правдой».

Помню, я привел его в этот благополучный журнал — «Вопросы литературы» — и неосмотрительно оставил в коридоре на каких-то пятнадцать минут. Когда же вернулся, то узрел, что мой герой схватился в жаркой перепалке. И с кем! С самой Тамарой Лазаревной Мотылевой, нестигаемым борцом за чутунный соцреализм. Я не успел даже приступить к роли миротворца: Мотылева резко отвернулась от Чудакова и, стремительно сокращаясь в

размерах, брызнула прочь по коридору.

«Что ты ей наговорил? Чем ты ее напугал?» — подступился я. «Ничего особенного, — как обычно, несколько манерно растягивая слова, ответил Чудаков. — Я просто объяснил ей, как относиться к так называемой советской литературе. А она возмутилась: молодой человек, вы, очевидно, никогда не были за границей и потому не понимаете, что существуют два лагеря». — «Ну и что?» — «Я только возразил: вы знаете, я никогда не был за границей, но я прожил восемь лет в Магадане и видел там не два лагеря, а значительно больше».

Да, Чудаков родился в роковом 1937-м в Магадане, в семье начальника лагеря, и прожил там восемь лет. Он помнил, как эки убили его пятилетнего сверстника, держали

би-си, отказавшись выступать в маске. Но ни одной строки за бугром не напечатал.

Он мог обмануть советскую власть, но не новый беспредел. Некогда «лица кавказской национальности» порвали ему рот; теперь они растворили его на одной из подмосковных помоек. Не осознав последствий, Чудаков сдал им (оставаясь жить на кухне) маленькую квартирку на Кутузовском проспекте. Что произошло дальше, представить несложно...

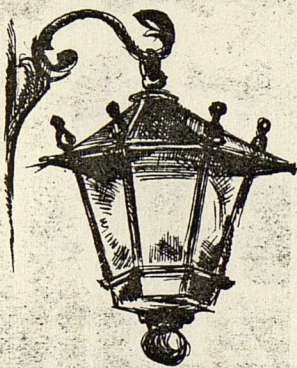
...Он обладал замечательным даром возвращать слову его докадаврную первородность. Однажды, когда мы шли через Москворецкий мост, Чудаков схватил меня за рукав и с неподдельным ужасом воскликнул:

— Гляди, какая страшная надпись! — он сделал движе-

Новая газ. — 2001. — 22-28 янв. — с. 22

МОСКОВСКИЙ ПЛУТ ИЗ МАГАДАНСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Чудаков был библиотечным вором и сутенером. Но ему посвятил стихи Бродский. Строки Чудакова запоминали наизусть, а фотографии его не сохранилось

ние, словно раздирая что-то руками, и воскликнул: — Отде-ле-ние свя-зи!

Лет восемь-девять тому назад Чудаков ворвался в мою тогда благополучную квартиру, пьяный и полубезумный. Как обычно, он потребовал денежный ясак, мои новые книжки, а когда я показал папку его стихов, которые собирал много лет, тотчас отобрал их у меня. И, конечно, тут же потерял.

Исчезли десятки стихотворений, пропала «Китайская поэма» и поэма «про грузинскую старуху-инвалидку», собиравшую в старинной крепости грибы, которые росли из стен. С множеством маленьких прелестей вроде

Мы все — Христы,
распятие в крестоворге...
Бежал князь Игорь,
но бежать из текста
известной оперы
ему слабо...

Теперь я совершаю раскопки в собственном мозгу. И, словно папирусы нового Менандра (от ста пьес которого остались лишь обломки), отыскиваю в памяти клочья чудаковских стихов.

● Олег МИХАЙЛОВ

К артины неизвестных художников висят во всех лучших музеях мира. Стихи неизвестных поэтов иногда становятся вершинами фольклора, но чаще уходят вместе с их авторами.

Отсвет имени на строчке
в сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова...

— пишет Александр Аронов, не избалованный популярностью...

Стихов Сергея Чудакова не знает никто, кроме его друзей. Но даже и у друзей его стихи сохранились только в памяти. (А фотографии автора не осталось вообще.)

Поэтому наша сегодняшняя публикация уникальна.

Так же, как слава, капризна и Муза. И часто благосклонна не к «молодым и политически грамотным», а к обитателям социального дна. Ее не смущают в избранных ни бомжовые привычки (Олег Григорьев), ни профессиональное занятие воровством (Франсуа Вийон), ни регулярное посещение публичных домов (Александр Блок).

Зато Муза не прощает корыстного к себе отношения.

Сергей Чудаков в своем нежелании зависть материально от советской власти дошел до сутенерства. Муза простила и это — дара не лишила.

А дар у него был естественный, позволявший, не нарушая канонов русского стиха, писать современные баллады («Я тебя не ревную...»), прививать классическую обэриутскую розу дичку советской стихотворной пушкинианы («Пушкина играли на рояле...») и, наконец, отваживаться на прямое лирическое высказывание («Не вернётся обратно...»).

Стихам Чудакова в полной мере свойственны рефлексия и самоирония. Поэтому красивые строчки — «на елочках паркета встречаю новый год» — предварены комментарием: «Еще на полкуплета литературный ход...»

Очевидно, с Музой Чудаков был безупречней, чем с людьми. Но теперь — только Бог ему судья.

А запомнил стихи Чудакова и написал о нем литературовед Олег Михайлов.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Сергей ЧУДАКОВ

Я не раб, не начальник...

Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли.
Попросив тарелочку
морошки
он скончался возле
книжной полки.

В легяной земле
из мерзлых комьев
похоронен Пушкин
незабвенный.

Нас ведь тоже с пулями
знакомят
вешаемся мы
вскрываем вены

попадаем часто
под машины
с лестниц нас спускают
в пьяном виде.

Мы живем своей тоской
мышинной
небольшого Пушкина
обидев.

Небольшой чугунный
знаменитый
в опустевшем от мороза
сквере
он стоит дублер
и заместитель
горько сожалел о потере

юности и звания
камер-юнкер
славы песен девок
в Кишиневе
Гончаровой в белой
нижней юбке
смерти с настоящей
тишиною.

Я тебя не ревную
равнодушна со мной
ты заходишь в пивную
сто знакомых в пивной.

В белых сводах подвала
сигаретный дым
без пивного бокала
трудно быть молодым.

Вне претензий и штучек
словно вещи в себе
морфинист и валютчик
и сексот КГБ.

Кто заказывал принца
получай для души

царство грязного шприца
и паров анаши

заражение крови
смерть в случайной дыре
выражения кроме
тех что есть в словаре.

Я не раб не начальник
молча порцию пью
отвечая молчаньем
на улыбку твою.

Я убийца и комик
опрокинутый класс.
как мы встретились котик
только слезы из глаз.

По теории Ницше
смысл начертан в ином
жизнь загробная нынче
а реальность потом.

В мраке призрачных буген
рванувшись цвести
мы воскреснем и будем
до конца во плоти.

Там борьба без подножки
без депрессии кайф
и тебя на обложке
напечатает «Life»

словно отблески молний
мрак судьбы отменя.
Это действует морфий
в тебе на меня.

Поставлю против света
недопитый стакан
на елочках паркета
гуляет таракан.

Я в замке иностранном
как будто Жанна д'Арк.
Система с тараканом
домашний зоопарк.

Положен по закону
простой советский быт
ушами к телефону
приклеен и прибит.

Я вижу в нем препону
не надо ждть звонков
никто по телефону
не скажет Чудаков.

Еще на полкуплета
литературный ход
на елочках паркета
встречаю новый год.

Пью залпом за Бутырку
на скатерти пятно
прибавь расход на стирку
к расходам на вино.

Из этой одиночки
задумал я побег.
Всего четыре строчки
и новогодний снег.

Я не возьму напильщик
я не герой из книг
мой трезвый собутыльник
лишь в зеркале двойник.

Увы законы жанра
банальности полны.
Спокойной ночи Жанна
нас ожидают сны.

* * *

Не вернутся обратно
эти капли и крохи
эти белые пятна
человеческой крови

все на свете пароли
бессмысленны кроме
содержания соли
в человеческой крови

и волны океана
первобытные брызги
молкнут вдруг
многострунно
в человеческом мозге

амплуа сутенера
продолжение отбора
положение актера
на подмостках позора.

* * *

Когда я заперт в нервной
клинике
когда я связан и избит
меня какой-то мастер
в кришке
то восхваляет то язвит.

Направо стиль налево
образы
сюда сравнение там
контраст

о Боже как мы все
обобранны
никто сегодня не подает.

28.01.01